

«Перед зрелищем войны...» Корреспонденции В. Брюсова в ярославском «Голосе»

«Голос» — ежедневная, демократически настроенная газета, издателем которой был К.Ф. Некрасов¹, человек либеральных взглядов.

Открыв в 1911 г. собственное книгоиздательство, контора которого находилась в Москве, К.Ф. Некрасов начал тесно общаться с В.Я. Брюсовым, ставшим участником и инициатором ряда значительных издательских проектов².

В 1914–1915 гг. Брюсов, отправившийся «на театр войны» представителем «Русских ведомостей», посылал заметки и в некрасовский «Голос»³. Для провинциальной газеты, не имевшей права на собственных фронтовых корреспондентов, это было большой удачей⁴. О согласии известного писателя сотрудничать с «Голосом» Некрасов объявил читателям 26 июля (8 августа) 1914 г.⁵ Но еще ожидая сообщений, он поместил в газете довольно объемную выдержку из «впечатлений», полученных Брюсовым «по дороге на театр военных действий», которые были напечатаны «Русскими ведомостями» под названием «Путь на запад». В «Голосе» это была заметка репортажного свойства «Война и население», отражающая общее настроение вступившего в войну народа и это настроение создающая: «...Все заняты одним: войной (<...>), интересуются только последними вестями с границы и из-за границы. Говорят разным языком и на разных языках, но все одинаково трезво смотрят на события, не обольщаются излишними надеждами, но и ни на миг не теряют веры в успех»⁶.

Подчеркнем, что «Голос» взаимодействовал со столичными редакциями, и у себя в рубрике «Обзор печати», регулярно появлявшейся на первой-второй страницах в непосредственном соседстве с подборками «Дневник войны», «Мировая война», давал — с незначительной отсрочкой во времени, со ссылкой на печатный орган и автора — извлечения из уже

¹ Константин Федорович Некрасов (1873–1940) — племянник Н.А. Некрасова (сын его младшего брата), бывший земский деятель и член I Государственной думы от партии кадетов.

² См.: Мурзо Г.В. «Ярославские» письма В.Я. Брюсова // Яросл. пед. вестник. 2007. № 2 (51). С. 115–124. Об их сотрудничестве во время войны и «военных» письмах Брюсова см. также: Мурзо Г.В. В. Брюсов — военный корреспондент ярославского «Голоса» // Яросл. пед. вестник. 2012. № 4. Т. 1 (Гуманит. науки). С. 331–336.

³ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 952. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 10.

⁴ Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2004. С. 34.

⁵ Ярославская жизнь. «Объявление о сотрудничестве В. Брюсова с «Голосом» // Голос (Ярославль). 1914. № 171 (26 июня / 8 авг.). С. 3.

⁶ Брюсов В. Война и население // Голос (Ярославль). 1914. № 194 (24 авг. / 6 сент.). С. 3.

опубликованного. Позднее Брюсов еще не однажды предстанет перед читателями ярославской газеты как корреспондент «Русских ведомостей»¹.

Первый написанный для ярославцев очерк — «Варшава в дни войны»² — появился в «Голосе» 31 августа, а уже 3 сентября увидела свет большая статья «Рассказ беженцев». Обе публикации содержали панорамные картины военной действительности, включали множественные свидетельства очевидцев происходящего. Массовое участие поляков в мобилизации, восторженное отношение к русским войскам, сострадание к раненым и беженцам из оккупированных районов — все должно было показать подъем братских чувств, духовное единение армии и тыла, поддержать веру в победу русских и их моральное превосходство.

Эти и последующие публикации были подписаны полным именем автора и помечены рекомендацией «от нашего корреспондента», что, несомненно, сближало знаменитого хроникера с провинциальным адресатом, усиливало доверие неосведомленных. Нередко, особенно на первых порах, редакция газеты предваряла статьи Брюсова эмоционально близкими, не исключавшими намеренной переклички стихами Н. Ашукина³, его апелляцией к поэтическим опытам Ф. Тютчева, почитаемого и Брюсовым. Возьмем, например, две строфы из стихотворения Ашукина, которое предшествовало упомянутой выше статье «Рассказ беженцев»:

Мы, современники, счастливы,
Живя в «минутах роковых»,
Но страшны сны кровавой нивы, —
Решенье судеб мировых.

И вот мы все в заветных думах,
Перед судьбой склонившись ниц,
Все там — в грозе, в военных шумах
У крепостей и у границ⁴.

¹ Речь идет о том, что в газете «Голос» публиковались выдержки из брюсовских статей в «Русских ведомостях», в которых, как правило, авторство Брюсова указано редакцией, например: «Г. Валерий Брюсов передает из своей поездки...»; «В «Рус. Вед.» г. Валерий Брюсов отмечает...» и т. п. В составе наст. изд. корреспонденции из «Русских ведомостей» за 1914–1915 гг. представлены целиком, поэтому мы не считаем возможным включить эти цитации брюсовских статей в состав нашей публикации. Вместе с тем, приводим библиографический список этих отрывков: Поездка А.И. Гучкова в германскую армию // Голос (Ярославль). 1914. № 210 (13/26 сент.). С. 2; Ужасы войны — Там же. № 224 (30 сент./ 13 окт.). С. 2–3; Русский солдат — Там же. № 242 (21 окт./3 нояб.). С. 1; Наказанное самомнение — Там же. № 249 (29 окт./11 нояб.). С. 1; О германском воинстве — Там же. № 269 (11/24 нояб.). С. 2; О варварстве германцев — Там же. № 282 (9/23 дек.). С. 1; О письмах к врагам и от врагов — Там же. № 289 (17/30 дек.). С. 1; Бомбисты над Варшавой — Там же. № 290 (18/31 дек.). С. 1; О раздаче подарков в армии — Там же. 1915. № 4 (6/19 янв.). С. 2; Неутомимые — Там же. № 33 (11/24 февр.). С. 1; Пленные немцы прежде и теперь — Там же. № 45 (25 февр. / 10 марта). С. 1; Русский солдат — Там же. № 47 (27 февр. / 12 марта). С. 1; Гурдов — Там же. № 58 (12/25 марта). С. 1.

² Поскольку оригинальные тексты В. Брюсова из ярославского «Голоса» даны в наст. изд. полностью, с точным указанием источника, считаем возможным в статье ограничиться воспроизведением названия той или иной публикации.

³ Николай Сергеевич Ашукин (1890–1972) — библиограф, литературовед (автор фундаментальных трудов о жизни и творчестве Н.А. Некрасова и В.Я. Брюсова), а в рассматриваемый период секретарь Книгоиздательства К.Ф. Некрасова и активный сотрудник «Голоса».

⁴ Голос. 1914. № 202 (3 / 16 сент.). С. 3.

Так и было. Некрасов ждал новостей, их жаждали все: газеты передавались поездами в деревни, а Ярославль наполнялся ранеными и беженцами. Однако намерения Брюсова корректировались реальностью. «...Я не успел написать ничего существенного для “Голоса”, — объяснял он в письме издателю. — Посылаю Вам <...> обзор событий на нашем Северном фронте, составленный частью на основании личных наблюдений (мои поездки в Цеханов, Прасныш, Пултуск, мои беседы с “беженцами” etc.). Эти личные, непосредственные наблюдения и дают мне решимость предложить Вам такой обзор. Для связности я должен был, конечно, использовать и др. известия, как официальные, так и частные <...> Но, по возможности, все “чужое” изложено кратко, а “свое” более подробно». Тогда же предлагал перейти на телеграфный способ общения: «За последнее время я весьма научился этому ремеслу и умею телеграфировать кратко, интересно и красочно»¹.

Можно допустить, что именно такими «телеграммами» были короткие информационные сообщения «В Галиции» и «Пленные немцы прежде и теперь» (экстренность первого подчеркивалась рубрикой «Ночные известия»): «Объехав Галицию, я посетил Ярослав и могу сообщить, что город, вопреки противоположным слухам, не пострадал вовсе. Укрепленные сильно форты сопротивлялись недолго. Австрийская армия бежала, и самый город сдался без боя...»². Лаконичность первого сообщения только усиливала экспрессию следующего: «Г. Валерий Брюсов передает из своей поездки в район Прасныша: В М. пленные немцы еще стояли на площади, и толпа не устая продолжала разглядывать их. Несколько дальше, у деревни С., нам пришлось присутствовать при раздаче другой партии пленных хлеба. Немцы порывисто кидались к повозке, откуда выдавали им по “французской булке”, толкали друг друга, вырывая желанную подачку, и немногим конвойным стоило большого труда восстановить порядок. Того гордого, пренебрежительного вида, с каким держали себя пленные пруссаки в первые месяцы войны (солдаты регулярных войск), совсем не было у этих суетливых, заискивающих ландштурмистов»³.

Объемные же, иногда разделенные на несколько частей корреспонденции реже предполагаемого, но регулярно печатались на второй и третьей страницах «Голоса», занимая «литературный подвал». Вот некоторые их названия: «На границе», «На северном фронте»⁴, «На левом берегу» — это результат поездок писателя в прифронтовую зону и освобожденные районы Польши и Галиции. В них нет грохота пушек и свиста пуль, разве что отдаленные, а есть молчащие развалины, изуродованная земля и как часть ее — убитые и орудия убийства. Возгласы ликования не заглушали стонов обездоленных.

В противовес представлениям о правовых методах ведения войны в корреспонденциях Брюсова все чаще упоминались смертоносные воздушные налеты немецких «таубе» на мирные города, примеры изощенного насилия и варварства «культурных завоевателей» в оккупированных местностях.

Установилась определенная частота сообщений: примерно через две недели, 22 сентября, Брюсов прислал следующий материал, сопроводив его личным письмом. Оно выдавало высокий душевный настрой пишущего, обусловленный победой: «...Отсылаю Вам описание своей поездки в Галицию и в Ярослав. Кажется, там есть вещи любопытные. <...> Через не-

¹ ГАЯО. Ф. 952. Оп.1. Ед. хр. 49. Л. 14.

² Брюсов В. В Галиции // Голос (Ярославль). 1914. № 214 (18 сент. / 1 окт.). С. 2.

³ Брюсов В. Пленные немцы прежде и теперь // Голос (Ярославль). 1915. № 45 (25 февр. / 10 марта). С. 1.

⁴ Статья Брюсова с таким же названием была опубликована в газете «Русские ведомости» за 12 октября 1914 г.

сколько дней я уезжаю на север. Там, очевидно, мне удастся видеть много даже более интересного, чем в Галиции. Всем этим я поспешу поделиться с читателями “Голоса”»¹.

Статье «В русской Галиции» свойственны яркий репортажный стиль, элементы поэтизации происходящего, видна попытка интимизировать общение с адресатом: «Как странно, что все это совершается не в Ярославле на Волге, а в Ярославле на Сане, еще несколько дней назад австрийском городе!»

Было очевидно также, что война огрубляла нравы не только воюющих. Статья «Паломничество на поля битв» рассказывает о пикниках относительно благополучной части населения на месте прокатившихся сражений, об экскурсиях чувствительных барышень и молодых людей на немецкие и русские позиции, о поисках боевых «реликвий» (прусская каска с медным орлом, ранцев и биноклей, кожаных портсигаров, проч.), о беззастенчивых спекуляциях найденным. Попытка представить кощунственные, по мнению автора, факты как единичные не снижала шокирующего впечатления, а скорбная нота реквиема, прозвучавшая в конце, только усиливала его.

Писатель, имевший обязательства перед издателем, предупреждал его о возможном своем приезде в Москву в октябре 1914 г. И не только оставленные дела побуждали к этому: представления Брюсова о возможностях военного корреспондента были разрушены. Еще в сентябрьском письме к жене он не мог скрыть досады: «...4 корреспондента допущены на театр. Меня в их числе нет. Это меня сильно побуждает вернуться в Москву. Но очень обидно уехать, не видав ни одного сражения!»²

Приблизиться к фронту все-таки удалось, и результатом стала большая статья «Бои под Ловичем». Здесь особенно чувствуется литературная обработка исходного материала: текст построен на сопоставлении наблюдаемого боя с пушкинской Полтавской битвой (описанию предшествуют известные всем строки), оживляется метафора «театра войны»; несмотря на тяжесть переживаемого момента, звучат героические аккорды. Но более всего трогают безыскусные солдатские диалоги.

Постепенно Брюсов начал испытывать отвращение к войне, которую сначала воспевал и, согласно официальной терминологии, называл «великой», не отказывая в отваге и врагу. Такой перемене способствовало познание личины войны, душевная усталость от виденных страданий. «Нет у нас, нет сил всматриваться в это зрелище!» — восклицает он в той из московских публикаций, где речь идет как раз о «поездке в Лович»³. Но ярославские корреспонденции еще не дают увидеть разочарования Брюсова «в правительстве, в командовании, в союзниках, в самой войне»⁴.

Брюсов скромно оценивал собственные корреспондентские заслуги. Отвечая на похвалы коллег во время громкого чествования его по приезде в Москву в январе 1915 г., называл себя новичком и учеником в этой области литературного труда и говорил о желании вернуться к привычной для него «мирной» работе. Однако возвратился в Варшаву, успев к началу наступления немцев в районе Мазурских озер.

Сильнейшие бои разгорелись в районе Прасныша. Права оказаться в расположении войск приходилось долго добиваться. В февральском письме жене Брюсов вновь сетует: «Послед-

¹ ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 15.

² Ашукин Н.С., Щербаков Р.Л. Брюсов. М., 2006. С. 432.

³ Там же. С. 441.

⁴ Молодяков В.Э. «Высоких зрелищ зритель»: Валерий Брюсов и большая политика // Молодяков В.Э. Загадки Серебряного века. М., 2009. С. 84.

ние дни крайне хлопоту. Дело в том, что по некоторым причинам официального характера корреспонденты с недавнего времени поставлены в положение вдесятеро более тяжелое, нежели раньше (...). Доходило до того, что я не видел никакой возможности продолжить свою работу (...). Но тут вмешался Н.А. Морозов (бывший шлиссельбуржец) и попытался дело уладить»¹.

Позже «Голос» опубликует беседу с Н.А. Морозовым, который по возвращении из почти двухмесячной поездки на передовые позиции в качестве делегата Всероссийского земского союза жил в своем имении «Борок», Мологского уезда, Ярославской губернии. «Я был в Праньши во время бомбардировки, — засвидетельствует он. — Бомбардировка продолжалась день и ночь, непрерывно. (...) Со всех сторон слышался гул и треск». При этом отметит: «Чувствуется удивительное единение. Люди — солдаты и офицеры — стали как-то ближе друг к другу, как-то отзывчивее, сердечней»².

Тем временем корреспонденций от Брюсова не приходило. Весной 1915 г. началось наступление в Галиции. Прифронтовая жизнь поэта была напряженной. Некрасову он прислал в марте письмо из Варшавы, прося извинить за «большое промедление»: «...то надо ехать набирать впечатления, то — эти впечатления пересказывать, то (...) опять ехать. И так день за днем, неделя за неделей (...)». Впрочем, на днях я доставлю Вам небольшую статейку о погибшем Гурдове, в которой будут данные, еще не появлявшиеся ни в одной ни столичной, ни провинциальной газете (и не включенные в мою вторую статью о Гурдове, недавно посланную мною в “Р. Вед.” (...) Сердечно преданный Вам Валерий Брюсов»³.

«Статьйка» «Гурдов» — цитата из «Русских ведомостей», выполнив роль анонса, предварила большую публикацию с тем же названием. Это был портретный очерк, единственный такой среди ярославских корреспонденций, создававший яркий «образ русского офицера», по сути же ставший памятником ему, героически погибшему. Гибель одного известного героя и множества неизвестных, завоевывающих и сдающих города, воспринималась как роковая ошибка, «грех» настоящего перед будущим.

Вторая из присланных статей — развернутый репортаж «На улицах Перемышля», где автор вспоминает такие же прогулки по взятому русскими Ярославом галицийскому, а «завоеванные» горожане и солдаты противника не скрывают своего стремления к мирной жизни. Эти публикации «с театра войны» в ярославской газете стали последними, не было больше и «военных писем» — поэт вернулся в Москву.

В августе 1915 г. началось наступление на севере Восточного фронта. Русская армия несла катастрофические потери. Были оставлены Галиция, а также Польша и Литва. Но русские продолжали воевать. Усугублялась тяжесть жизни в прифронтовой полосе, так ярко описанной Брюсовым: обстрелы, реквизиции, контрибуции, жесткость германского оккупационного режима, наглость сепаратистов, проблемы беженцев, нехватка продовольствия... Война безвозвратно утратила для поэта романтический облик. В одной из последних публикаций в «Русских ведомостях» Брюсов привел свидетельство участника боев: «Жаловались и раньше, что нынешняя война ведется ожесточенно (...), но то, что происходило до сих пор, теперь кажется детской добродушной игрой...»⁴.

¹ Аиукин Н.С., Щербаков Р.Л. Указ. соч. С. 439.

² «Брюсов В.» Беседа с Н.А. Морозовым // Голос (Ярославль). 1915. № 126 (5/18 июня). С. 3.

³ ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1, 4.

⁴ Аиукин Н.С., Щербаков Р.Л. Указ. соч. С. 442.

«Великий раздор в среде европейских народов и страшный лик, обнаруженный Германией, в самом основании потрясли всё несколько идиллическое мировоззрение поэта», — скажет Брюсов в опубликованной «Русскими ведомостями» статье-рецензии на книгу Эмиля Верхарна «Окровавленная Бельгия»¹. В определенной мере эти слова можно отнести к нему самому, верившему, как многие его коллеги, в августе 1914-го, что в войне будет найдено «невозможное слияние мечты и силы, что война раскроет перед человечеством ослепительные перспективы» возрождения человечности и братских начал в воюющих, а в русской жизни «смоет все грязное, пошлое, реакционное»². «Страшный год войны» не принес мира, а свободу — разве что от иллюзий³.

Заканчивая представление военных публикаций В.Я. Брюсова в ярославской газете «Голос», отметим их естественную взаимосвязь с опубликованным в «Русских ведомостях». Последовательное сопоставление текстов позволяет утверждать: объединенные временем и местом действия, образами героев, отдельными деталями и общим настроением, они нигде и ни в какой мере не носят характер простого дублирования. Это — составляющие единый ряд «хроники» войны, усиленные художественной выразительностью документальные свидетельства времени в картинах и лицах, с вкраплением живых голосов, не исключаяющих лица и голоса автора, ведущего диалог с коллективным читателем.

В этом смысле статьи Брюсова есть часть газетного дискурса, поддерживаемого усилиями редакции, и публикации-цитаты из «Русских ведомостей» также приобретают значимость. Не фиксируя их с помощью кавычек, не указывая номера газеты-источника, редакция прибегает к ссылке на «г. Брюсова» и выделяет заимствованное высказывание чуть меньшим по размеру шрифтом. Актуализированным мог оказаться, как показал анализ, любой фрагмент оригинального текста. Однако выбор нельзя назвать случайным. Тема или наиболее важная мысль имплицировалась с помощью заголовка («Бомбисты над Варшавой», «Наказанное самомнение», «Неутомимые»), не совпадающего, как правило, с заголовком цитируемого оригинала (например, «О варварстве немцев» и «Ночь в мертвом городе»). В газете, организующей и освещающей кампанию помощи воюющим, фиксировалось внимание на «...раздаче подарков в армии»; в гуще явленного на газетной полосе зла, устрашающей жестокости врага и его приспешников («Ужасы войны») акцентировались редкие на войне факты гуманного отношения к сопернику или, вопреки порочащим слухам, подчеркивался боевой дух солдата («Русский солдат»):

«После отхода (...) мне довелось видеть на дорогах от Варшавы наши полки (...). Всматриваясь в лица солдат, марширующих к месту боя, невольно думаешь увидеть следы волнения, тревоги. Ничего этого не было: солдаты шли спокойно, бодро, и выражение их лиц было просто серьезное, деловое, как у людей, идущих делать свое дело. (...) Словно и не печатаются ежедневно длинные списки “выбывших из строя”! Словно то был первый день войны, и наши лучшие силы вышли вперед»⁴. Малый объем не лишал высказывание языко-

¹ Брюсов В. Окровавленная Бельгия // Рус. вед. 1915. № 154 (5 июля). С. 5.

² Аицкин Н.С., Щербаков Р.Л. Указ. соч. С. 428, 429.

³ Букчин С. Корреспондент Валерий Брюсов // Неман. 1987. № 6. С. 320.

⁴ Брюсов В. Русский солдат // Голос (Ярославль). 1915. № 47 (27 февр./12 марта). С. 1. Назовем другую, предшествовавшую данной (не публикуемую), заметку-цитату из газеты «День печати», также утверждавшую мысль о выносливости русского солдата: Неутомимые // Голос (Ярославль). 1915. № 33 (11/24 февр.). С. 1. В этом номере

вого своеобразия и воздействующей картинности, не присущих сдержанным строчкам официальных «депеш».

Эта газетная хроника монтировалась с другими текстами, становясь частью целого — обзора событий, дел и мнений — репликой в общем хоре, определявшем звучание ярославского «Голоса».

на с. 3 помещена информация: «В понедельник, 9 февраля, в Москве вышла газета “День печати”, доход от которой поступит на нужды войны. Других московских газет в этот день не выходило. В Ярославле газета “День печати” была получена с вечерним московским поездом (...), разошлась очень хорошо».